

Когда Ци Цзяньсы упомянул о «лице императора», император Юнькан не смог найти возражений. Учитывая обычное поведение Ци Цзяньсы, он поверил его словам, хотя в душе всё ещё чувствовал некоторое неудобство.

— Во время моей инспекции мой отец, несмотря на болезнь, будет руководить Палатой цензоров, чтобы сохранить порядок в управлении и избавить Ваше Величество от лишних забот.

Однако старший Ци, сидящий в своём доме, ничего об этом не знал. Если бы они оба предстали перед императором, старший Ци, несомненно, был бы в замешательстве и категорически отказался бы поддерживать сына:

— Всё это чушь!

Сегодня этот «дубина» стал хитрым, и император Юнькан оказался в тупике.

Ци Цзяньсы был молод и занимал высокий пост, а инспектор по соляным делам был всего лишь шестого ранга. Император сначала согласился с его предложением, но потом почувствовал, что это несправедливо по отношению к Ци Цзяньсы, и решил найти компромисс:

— Ранг инспектора по соляным делам слишком низок для тебя. В качестве компенсации ты будешь действовать как императорский посланник, а инспекция по соляным делам станет одной из твоих задач. По пути ты также сможешь проверить, как живут люди в регионах, связанных с соляной торговлей.

Ци Цзяньсы, достигнув своей цели, поклонился:

— Как прикажет Ваше Величество.

Ци Цзяньсы сначала действовал, а потом доложил, и по возвращении домой повторил тот же трюк с отцом, таким образом уладив всё с обеих сторон. Только старший Ци, вынужденный отправиться на заседание, был так раздражён, что даже не мог пить чай, но не мог винить в этом сына.

С тех пор, как Лу Сяо с трудом отправил письмо, прошло больше месяца, и императорский указ наконец достиг четырёх областей: Юнь, Пин, Нань и Юн.

Лу Сяо не получил ответа от Нин Хуая, и его сердце снова замерло. Он думал, что, возможно, никогда не сможет разрешить ситуацию в Юньчжоу, или что это вообще невозможно, и единственный способ пережить срок службы — это притвориться глухим и слепым. Однако ситуация изменилась: если он не мог уехать, это не означало, что другие не могли приехать. Лу Сяо подумал, что действительно правду говорят: «Когда дорога доходит до горы, обязательно найдётся путь».

Когда императорский указ достиг управы области Юньчжоу, Лу Сяо съел две порции снежных

шариков в честь этого события, а на следующий день пожаловался на зубную боль.

Ду Цзысю в разговоре с ним шутливо заметил, что за многие годы в Юньчжоу это первый случай, когда за один год приехали два чиновника из столицы. Он никогда не видел лица императора и всегда завидовал Лу Сяю, который в столь молодом возрасте уже имел возможность предстать перед императором.

За это время Лу Сяю успел познакомиться с несколькими старыми служащими управы Юньчжоу. Ду Цзысю, главный писарь, был уже под сорок, а бывший губернатор лично занимался всеми делами, и если бы он не ушёл на покой некоторое время назад, Ду Цзысю за десятилетия службы так и не смог бы занять место в зале заседаний. Му Сюэчжэн, судья, был уже в преклонном возрасте, и все звали его «старый Му». С тех пор, как Лу Сяю прибыл в Юньчжоу, он стал ещё более расслабленным, проводя дни, ухаживая за цветами и гуляя с птицами, наслаждаясь жизнью.

Ещё было два мелких служащих. Один, по фамилии Дун, с мрачным лицом и синяками под глазами, как выяснил Сяю Ецзы, страдал от семейных проблем и был постоянно угнетён. Другой, по фамилии Цянь, похоже, не ладил с Ду Цзысю и с самого начала решил примкнуть к более молодому Лу Сяю.

Лу Сяю изначально не хотел вникать в проблемы среднего возраста Ду Цзысю, но теперь, в лучшем настроении, он рассказал ему, что его должность в столице тоже была невысокой, и большинство времени он видел императора Юнькана только издалека.

Ду Цзысю рассмеялся и начал обсуждать с Лу Сяю, какого ранга будет этот посланник из Чанъаня, возможно, они даже были знакомы, когда Лу Сяю служил в столице.

Лу Сяю относился с подозрением к большинству служащих управы Юньчжоу, особенно к Ду Цзысю и Цянь Чжунбиню, и каждый раз, говоря с ними, заранее обдумывал свои слова. Лу Сяю отшутился, сказав, что узнает всё, когда посланник приедет.

Хотя он так говорил, Лу Сяю тоже размышлял, кого именно отправит император Юнькан.

Он служил недолго и только недавно начал заниматься вопросами соляной торговли, поэтому знал только о существовании должности инспектора по соляным делам, которая три года оставалась вакантной, но не знал, что её обычно занимали служащие Палаты цензоров. В императорском указе также говорилось, что помимо проверки соляной торговли, посланник должен будет осмотреть безопасность, повседневную жизнь населения и финансы управ в четырёх городах.

Лу Сяю предположил, что, вероятно, встретится со своим бывшим начальником, Сюй Чжаншэном. Хотя Сюй Чжаншэн был крайне гибким человеком, говоря проще, он умел подстраиваться под обстоятельства, но в принципиальных вопросах он оставался трезвомыслящим. Если в Юньчжоу действительно происходило что-то неладное, например, коррупция между чиновниками и купцами, он вряд ли бы это игнорировал.

Лу Сяо улыбнулся. Возможно, он слишком много на себя берёт, но он верил, что перед отъездом глава Палаты цензоров Ци не останется безучастным. По крайней мере, визит посланника в Юньчжоу позволит ему связаться с Ци Цзяньсы.

Ду Цзысю, заметив, что Лу Сяо замолчал, понял, что пора уходить, и поднялся, чтобы попрощаться. Лу Сяо ответил:

— Тогда я не буду вас провожать, главный писарь Ду. Счастливого пути.

Угол стола был острым, и Ду Цзысю, торопясь, ударился об него, вскрикнув от боли. Чашка упала на пол и разбилась. Лу Сяо быстро встал:

— Главный писарь Ду, вы в порядке?

Ду Цзысю поспешно замахал руками:

— Всё в порядке, всё в порядке, это я неосторожен. Прошу прощения за беспокойство!

Он, чувствуя себя неловко, поспешно вышел. Лу Сяо посмотрел вниз и увидел, что чай растёкся по бумаге. Сяо Ецзы взял ткань и аккуратно вытер чай, а затем вынес книги во двор, чтобы просушить. Лу Сяо не придавал этому значения, достал другую книгу с полки и продолжил коротать время.

Только наступил июнь, за окном стояла жара, а вдоль дороги зеленели ивы.

Солдаты расчищали путь, карета с посланником величественно приближалась к городским воротам.

Три месяца назад была ранняя весна, время цветов и пения птиц. Лу Сяо был одет в лёгкую рубашку и поверх неё — зелёный халат, не боясь холода, так как большую часть пути провёл в карете.

Три месяца спустя весна подошла к концу, и Лу Сяо вместе с другими служащими управы Юньчжоу отправился встречать императорского посланника.

Ду Цзысю тихо сказал:

— Господин Лу, это действительно впечатляюще.

Лу Сяо ещё не успел ответить, как мелкий служащий Цянь Чжунбинь подошёл поближе:

— Мне действительно повезло, что я дважды стал свидетелем такого зрелища.

Лу Сяо даже не поднял головы, не желая вмешиваться в этот спор между двумя неизвестно

друзьями или врагами:

— Посланник уже перед нами, так что давайте помолчим.

Карета остановилась в шаге от городских ворот, кучер откинул занавес, и из неё выпрыгнул крепкий юноша, быстро поставив низкую скамейку. Лу Сяо слегка нахмурился, юноша показал только половину лица, но оно показалось ему знакомым.

Лу Сяо, словно замороженный, поднял взгляд, наблюдая, как из кареты выходит человек.

Худые, бледные пальцы слегка оперлись на поперечную ось, тёмно-синий халат был украшен сложным узором с журавлями, на поясе висела белая нефритовая подвеска, а чёрные волосы были аккуратно собраны в золотой короне. Даже после долгого пути он выглядел безупречно, как и всегда — холодным и изысканным, словно недоступным для простых смертных.

Все вокруг опустились на колени, громко приветствуя посланника. Лу Сяо замер, поклонившись вместе с остальными, но человек уже подошёл к нему и взял его за запястье:

— Господин Лу, давно не виделись.

Лу Сяо посмотрел в его холодные глаза, не решаясь подробно разглядывать его, и медленно улыбнулся:

— Губернатор Юньчжоу Лу Сяо вместе с служащими управы приветствует господина Ци.

Встреча после долгой разлуки стала для Лу Сяо неожиданной радостью. Здесь было много посторонних, и Лу Сяо сдерживал свои чувства, лишь с трудом скрывая улыбку, стараясь выглядеть так, будто он и Ци Цзяньсы были лишь поверхностно знакомы.

В управе Юньчжоу уже подготовили комнаты для императорского посланника. Когда Ци Цзяньсы и его сопровождающие были размещены, Лу Сяо отпустил всех служащих, сказав, что посланнику нужно отдохнуть после долгого пути. Однако, когда все один за другим вышли, губернатор Лу Сяо тихо закрыл дверь и остался в комнате.

Только теперь Лу Сяо заметил, что юноша, сопровождавший Ци Цзяньсы, был тем самым, кто приносил ему коробку с едой в прошлом году. Ци Цзяньсы объяснил:

— Мэн Е — мой личный телохранитель, он отлично владеет боевыми искусствами, поэтому я взял его с собой в эту поездку.

Мэн Е выглядел крепким, его возраст был примерно таким же, как у Нин Хуая, но он был ещё более серьёзным, чем его хозяин.

Лу Сяо с лёгкой улыбкой сказал:

— Я уже видел этого молодого человека.

— Господин Лу, — замялся Мэн Е, — зовите меня просто Мэн Е.

Лу Сяо рассмеялся. Казалось, что его грозная внешность обманчива: когда он молчал, он выглядел внушительно, но стоило его подразнить, как он сразу краснел и начинал запинаться.

Лу Сяо, разыгравшись, продолжил:

— В прошлый раз, когда я видел тебя, ты говорил гораздо увереннее.

<http://bllate.org/book/15439/1369311>